

Прогноз количества населения и преступников несовершеннолетнего возраста

Год	Количество населения в возрасте 14–17 лет	Количество преступников несовершеннолетнего возраста при эффективности деятельности ОВД	
		2003–2007 гг. (1,12 %)	1993–1997 гг. (1,34 %)
2008	511 474	5 728	6 853
2009	477 505	5 348	6 398
2010	445 927	4 994	5 975
2011	413 853	4 635	5 545
2012	388 077	4 346	5 200
2013	372 340	4 170	4 989
2014	364 837	4 086	4 889
2015	363 836	4 075	4 875
2016	366 129	4 100	4 906
2017	362 324	4 058	4 855

Из приведенной таблицы видно, что тенденция уменьшения количества населения Республики Беларусь в возрасте 14–17 лет может повлечь естественное снижение числа несовершеннолетних преступников. Так, при сохранении прежней эффективности деятельности ОВД по выявлению лиц, совершающих преступления, в ближайшем будущем может наметиться естественный спад и достигнуть к 2017 г. 4058 человек. При уровне эффективности деятельности ОВД в 1993–1997 гг. это количество может увеличиться до 4855 человек.

Таким образом, прогнозирование преступности несовершеннолетних имеет существенное значение для оценки преступности, ее размеров и последствий, позволяет определить кадровые, материальные и иные ресурсы, необходимые для обеспечения успешного противодействия развитию преступности. Изложенное может способствовать совершенствованию практики борьбы с преступностью несовершеннолетних, что в целом положительно сказалось бы на оздоровлении оперативной обстановки в республике.

Библиографические ссылки

1. Об утверждении государственной статистической отчетности Министерства внутренних дел Республики Беларусь : постановление М-ва статистики и анализа Респ. Беларусь, 29 дек. 2001 г., № 105. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2001.
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 1999.
3. Уголовный кодекс Белорусской ССР; Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской ССР : офиц. тексты с изм. и доп. на 1 апр. 1985 г. Минск : Беларусь, 1985.

О.В. Кунцевич, старший следователь следственного отдела предварительного расследования УВД Администрации Московского р-на г. Минска

КОРРУПЦИЯ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

На основе анализа институциональных теорий определены концепции, характеризующие различные источники и формы проявления коррупционных отношений. С позиций нового институционализма дано определение коррупции, выявлена наиболее общая причина – неэффективность институциональных рамок общества. Анализируются противоречивость оценок уровня тактики противодействия коррупции в Беларуси, данные социологических опросов и криминологической статистики. Высокие административные барьеры в экономике, характеризующиеся дискреционностью, коррелируют с уровнем коррумпированности. Для анализа административных барьеров используется неинституциональный подход и делается вывод, что на его основе можно разрабатывать методики экспертиз норм права на коррупциогенность. Предлагаются меры экономико-правового характера для снижения уровня коррупции в республике.

Проблема борьбы с коррупцией стала в последнее время одной из наиболее актуальных в мировом сообществе. Коррупция – явление интернациональное, в той или иной мере присущее всем странам и во все времена, независимо от их политической системы и уровня экономического развития. Начиная с 1975 г. международное сообщество активно разрабатывает антикоррупционные меры. К

решению этих задач подключились Организация Объединенных Наций, Совет Европы, Всемирный банк и другие международные организации.

С начала 90-х гг. XX в. возрос интерес к исследованию коррупции в постсоветских республиках. В России сложились научные школы, которые возглавляют ученые с мировой известностью: А.И. Долгова, Н.Ф. Кузнецова, В.Н. Кудрявцев, В.В. Лунеев. В нашей республике данная проблема находится в центре внимания ведущих ученых и юристов-практиков: В.А. Ананича, О.И. Бажанова, И.И. Басецкого, А.В. Башана, В.И. Берестня, А.М. Клима, А.А. Шардакова, В.М. Хомича.

В современной научной литературе, освещающей коррупционные отношения в обществе, преобладают публикации правового характера. Большинство исследователей концентрируют внимание лишь на отдельных аспектах данного многогранного явления. Вместе с тем следует отметить, что коррупция – сложный социально-экономический феномен, вызываемый причинами разнопорядкового уровня, проявляющийся в различных сферах. Необходим комплексный, междисциплинарный подход к его изучению с использованием достижений экономической теории, социологии и других общественных дисциплин, тем более что коррупция в специфических условиях транзитивной экономики приобретает новые формы и часто провоцируется специфическими факторами, присущими переходному состоянию общества.

Существует множество форм коррупции: взяточничество, вымогательство, nepотизм, протекционизм, лоббизм, использование личных контактов для получения доступа к общественным ресурсам и т. д. Однако следует отметить, что привести исчерпывающий перечень коррупционных проявлений весьма затруднительно. О процессе институционализации коррупции свидетельствуют:

наличие субъектов коррупционных отношений (взятодатель, взятополучатель, посредник);

наличие определенных правил игры, норм, которым следуют субъекты коррупционной деятельности;

выполнение ею ряда функций – ускорения и упрощения принятия управленческих решений чиновниками, реструктуризации отношений между социальными группами и т. д.;

определена цена услуг (чиновник имеет соответствующий процент от сделки или установленную таксу).

Среди множества причин, порождающих коррупционные отношения, на наш взгляд, определяющими являются причины, лежащие в сфере экономических отношений. В экономической теории, и прежде всего ее институциональных направлениях, существуют различные концепции, объясняющие коррупцию.

С помощью таких основных категорий институционализма, как трансакционные издержки, институты, права собственности, контракт, можно исследовать коррупционные отношения. Функционирование государства, как и любой структуры, связано с трансакционными издержками, и они тем больше, чем в большем числе трансакций государство выступает в качестве гаранта выполнения условий контракта. Чем активнее роль государства в спецификации и защите прав собственности, тем сложнее внутренняя структура государства и выше численность чиновников. Однако, как свидетельствует мировая практика, не существует максимального или минимального объема этих функций, государство должно иметь столько функций, сколько оно способно их исполнять эффективно. Но если государство берет на себя много функций и не исполняет их на должном уровне, это предполагает наделение чиновников дискреционными регулирующими полномочиями, что является источником коррупции, особенно в странах, которые находятся на пути трансформирования командно-административной системы в рыночную. Это способствует провалу государства. Так как главной функцией государства с институциональной точки зрения является спецификация и защита прав собственности, то члены общества, делегируя часть прав по контролю своей деятельности государству, ожидают, что на основе монополии на осуществление насилия оно сможет лучше защищать права собственности, чем они сами. Оптимальные размеры государства определяются тем кругом сделок, в которых государство действует как гарант более эффективно, поэтому коррупцию можно рассматривать как провал государства и в то же время как общественное «антиблаго», порождающее отрицательные внешние эффекты (когда ущерб наносится всем членам общества), что относится к провалам рынка. Следует отметить, что провалы рынка не симметричны провалам государства, поскольку находятся на различных уровнях экономического регулирования, поэтому коррупцию можно рассматривать и как провал государства, и как провал рынка. Таким образом, коррупционные отношения нельзя нейтрализовать только при помощи государства или только рыночными методами. Согласно теореме Коуза наиболее эффективными законами и социальными институтами являются те, которые переносят тяжесть регулирования отрицательных внешних эффектов на стороны, способные сделать это с наименьшими издержками. Это положение дает теоретическую основу для выработки концепции противодействия коррупции.

Некоторые исследователи определяют коррупцию как контрактное взаимодействие между экономическими агентами с целью злоупотребления положением ради частных выгод или как нелегальный рынок прав собственности. Права собственности можно рассматривать как фактически имеющиеся полномочия на определенный объект, в том числе и со стороны чиновников. В этом случае коррупция выступает как рынок подобных прав. В модели «принципал – агент» угроза манипулирования агентом принципалом при выполнении поручений последнего существует вследствие асимметрии информации и высоких издержек мониторинга за деятельностью агента. Здесь возможна ситуация оппортунистического поведения агента, частным случаем которого являются коррупционные действия.

В рамках институциональной теории коррупция может рассматриваться как форма нелегального рентоориентированного поведения. В неоинституциональной модели Г. Беккера индивид соотносит все издержки и выгоду своих преступных действий и делает рациональный выбор: идти на преступление (при условии, если ожидаемая полезность подобных действий выше) либо остаться законопослушным гражданином. Г. Беккер выразил ожидаемую полезность от совершения правонарушения следующей формулой:

$$EU = (1-p)*U(Y) + p*U(Y-f) = U(Y-p*f),$$

где EU – ожидаемая полезность (*expected utility*) от преступления;

P – вероятность осуждения правонарушителя;

Y – доход от преступления;

U – функция полезности (*utility*) преступника;

f – наказание за преступление [3, с. 141–142].

Подход к поведению взяточполучателя как к преступной деятельности, у которой ожидаемая полезность превышает альтернативные издержки, был развит С. Роз-Аккерман по отношению к коррупционной деятельности. Другие теории связывают коррупцию с уровнем заработной платы госслужащих, монополией как источником коррупции. В условиях когда не действуют свободно рыночные законы спроса и предложения, фиксированные цены, дефицит товара также являются источником коррупции для тех чиновников, которые административно регулируют данные рынки.

Рассмотренные подходы характеризуют лишь различные источники и формы проявления коррупции. На наш взгляд, для анализа коррупции более плодотворны подходы, выработанные в рамках новой институциональной экономической теории. Согласно этой теории экономика функционирует в определенных институциональных рамках, где культура и идеология влияют на экономическое развитие.

Важным элементом нового институционализма является понятие «транзакционные издержки», то есть затраты, сопровождающие экономическую деятельность. Фактически транзакционные издержки складываются с затрат на оценку характеристик транзакций и на обеспечение их исполнения.

Институты – это ограничения, которые формируют взаимодействие между людьми и создаются ими для снижения неопределенности путем структуризации человеческого поведения. Они состоят из формальных (правил, законов, конституции) и неформальных (норм поведения, обычаев, добровольно принятых правил поведения) ограничений и механизмов обеспечения их соблюдения (совести, мести, социальных либо государственных санкций). Институты можно понимать и так: если институты – это правила игры, то организации – игроки. Организации состоят из групп людей, объединенных общей целью. Организационными являются фирмы, политические партии, законодательные и исполнительные органы, профсоюзы, университеты, которые образуют определенную институциональную матрицу общества.

Совокупность общественных институтов, то есть институциональные рамки, или институциональная матрица, определяет: 1) размер транзакционных издержек (совокупность институтов, обеспечивающих наиболее низкий уровень, является эффективным рынком); 2) систему стимулирования того или другого вида экономической деятельности (создание различных организаций – преступных сообществ или высокотехнологичных фирм – определяется тем, какой из видов такой деятельности обеспечивается большими доходами). Важную роль играют также идеологические стереотипы и ментальные модели (культура, опыт, обучение), влияющие на эффективность институтов.

В результате взаимодействия организаций происходят институциональные изменения – в формальных и неформальных правилах, механизмах их обеспечения. Обычно такие изменения происходят медленно: хотя законы можно изменить быстро, но на изменение неформальных норм необходимы годы. В результате институциональных изменений организации хотят улучшить свое положение, реструктуризировать обмен – систему транзакций. Используя термины нового институционализма, можно дать следующее определение коррупции: коррупция – это соглашение между организациями и (или) физическими лицами, которое снижает транзакционные издержки клиента (по сравнению с

обычными в данных институциональных рамках), и, нарушая формальные и (или) неформальные ограничения, обогащает клиента, однако не имеет надежных институциональных механизмов обеспечения (где клиент – это взяткодатель, заявитель, а агент – получатель взятки, исполнитель).

Такое соглашение может заключаться между: 1) организациями (например, фирмой и политической партией, когда партия в обмен на нелегальную финансовую поддержку «проталкивает» необходимые решения в органах власти); 2) физическими лицами (гражданином и чиновником); 3) организациями и физическими лицами (фирмой и чиновником). Оно действительно снижает транзакционные издержки относительно имеющихся в данной институциональной среде. Это может осуществляться непосредственно в форме подкупа, а возможно, и в форме вымогательства: очень высоки полномочия чиновника (принимать решения на собственное усмотрение). Например, чиновник лицензионного органа может незаконно медлить с выдачей свидетельства или лицензии (или просто отказать в ней) и только взятка уменьшает затраты фирмы, связанные с такой задержкой. Однако, что важно, коррупция снижает транзакционные издержки только сравнительно с теми, которые предусмотрены действующими институциональными рамками. Она не минимизирует их абсолютно, в других институциональных рамках транзакционные издержки могут быть значительно ниже без коррупции.

С точки зрения институциональной теории, причиной появления коррупции является неэффективность институциональных рамок общества. Это может быть неэффективность как формальных, так и неформальных норм, механизмов обеспечения их соблюдения, а также общая неэффективность всей институциональной матрицы – ее несоответствие культуре и идеологии общества.

Для анализа, прогнозирования, выработки правильной стратегии и тактики борьбы с коррупцией необходимо адекватно оценивать ее масштабы. В настоящее время основными формами измерения данного явления являются:

оценка на основе статистических данных правоохранительных органов (количество возбужденных уголовных дел по ст. 210, 235, 390, 399, 424, 425, 426, 427, 429, 430, 431, 432, 433, 455 УК Республики Беларусь и число осужденных лиц по данным статьям судами Республики Беларусь);

аналитические и экспертные оценки на основе криминогенности секторов экономики;

оценки на основе социологических опросов;

межгосударственные сравнения уровня коррупции проводимые различными организациями, из которых наиболее известной является международная неправительственная организация *Transparency International*.

Специалисты этой организации рассчитывают индекс восприятия коррупции (ИВК), который играет большую роль для оценки делового климата. Индекс рассчитывается ежегодно на основе данных, полученных в ходе опросов, проводимых независимыми исследовательскими центрами. Оценка производится по 10-балльной системе: 10 баллов – коррупция почти отсутствует, от 0 до 1 – очень высокий уровень коррупции. Динамика восприятия мировой общественностью коррупции в республике имеет тенденцию к увеличению, что отражено в табл. В то же время в Беларуси динамика зарегистрированных преступлений по делам о взяточничестве с 2004 г. отражает тенденцию к снижению.

Данные *Transparency International* о восприятии коррупции

Страна \ Год	2002		2003		2004		2005		2006	
	место	индекс								
Россия	71	2,7	86	2,7	90	2,8	126	2,4	121	2,5
Украина	85	2,4	106	2,3	122	2,2	107	2,6	99	2,8
Беларусь	36	4,8	53	4,2	74	3,3	107	2,6	151	2,1

Трудно объяснить такую противоречивость оценок. Причины, на наш взгляд, объясняются не только сложившейся институциональной средой, но и самой методикой исследований, проводимых *Transparency International*, при которых наблюдается зависимость от результатов прошлых лет.

В силу высокой латентности коррупционных преступлений данные криминологической статистики дают заниженную оценку, ее можно рассматривать как низшую границу уровня коррупционности, а индекс восприятия коррупции – как высшую.

Реальную картину коррупции в силу ее скрытого характера могут дополнить результаты социологических исследований, которые постоянно проводятся в нашей республике: в 1997–1999 гг. – НИИ проблем криминологии, криминалистики и судебной экспертизы Министерства юстиции Республики

Беларусь, с 2000 по 2004 г. – Академией МВД, в 2003 и 2005 гг. – исследовательским центром Института приватизации и менеджмента, в 2005 г. – Институтом социологии НАН Республики Беларусь.

Обобщение и анализ проведенных социологических опросов подтверждает наличие значительных масштабов коррупционных проявлений в экономике республики. Так, независимо от организации, проводившей социологический опрос, на наличие коррупции указали от 64, 5 до 77 % представителей субъектов хозяйствования. Основная причина этого – экономическая. Это высокие административные барьеры в экономике, присутствующие в самых разных сферах, в различных формах и на всех стадиях (регистрации, лицензировании, разрешении, проверки и т. д.), поэтому субъекты хозяйствования стремясь снизить свои транзакционные издержки, используют неформальные пути решения вопросов.

Административные барьеры характеризуются высокой дискреционностью, обладают монопольной природой и значительными издержками обслуживания. Следует подчеркнуть потенциально коррупциогенную природу административных барьеров, потому что любые юридические либо другие препятствия, мешающие рациональному экономическому поведению представителей бизнеса, рано или поздно становятся товаром и вовлекаются в рыночный оборот.

Как свидетельствует мировая практика, административные барьеры, высокие дискреционные полномочия чиновников и степень административного контроля коррелируют с уровнем коррумпированности. Бюрократы способны сознательно увеличивать уровень зарегулированности и могут по-своему толковать правовые нормы в процессе правоприменения с целью извлечения большей ренты. В прикладной институциональной теории такие правила называют административными барьерами.

Для их выявления следует проанализировать соотношение издержек и выгод, как социальных, так и частных:

правила (барьеры), частные издержки, от действия которых больше частных выгод и если при этом социальные издержки превышают социальные выгоды, оказывает негативное влияние на развитие экономики. Это выгодно лишь группам рентоориентированных чиновников;

правила, частные издержки исполнения которых больше частной выгоды, но социальные выгоды превышают социальные издержки, способствуют развитию экономики, но должны реализовываться по такой процедуре, которая вынуждает предпринимателя нести неоправданно высокие издержки и вследствие этого он вынужден производить коррупционные выплаты для ускорения процедуры [1].

Такой подход позволяет выделить два типа коррупциогенности: вследствие содержания самого правила и его применения. Следует отметить, что для реализации указанного подхода необходимо разработать методологию подсчета социальных издержек и социальных выгод.

Другой подход к анализу барьеров предлагает перуанский экономист Э. де Сото. По его мнению, у предпринимателей всегда есть выбор: подчиниться закону или переходить в сферу нелегальной деятельности. Для принятия решения он сопоставляет издержки двух видов: «цену подчинения закону» и «цену внелегальности» [4, с. 178–189]. Если «цена закона» больше «цены внелегальности», то экономические агенты могут перейти в теневой сектор. Понятно, что это коррупциогенная норма права. В случае действия слишком «дорогой» нормы права возникает опасность коррупции. Если «дорогие» или завышенные нормы права прямо способствуют вступлению в коррупционные отношения, то дискреционные полномочия создают условия для того, чтобы проявилось коррупционное действие завышенных требований. Так, предоставляя чиновнику возможность выбора между санкциями различной степени тяжести, норма права позволяет нарушителю заплатить правоприменителю (чиновнику) за менее тяжкую для него санкцию.

Итак, используя неинституциональный подход к анализу административных барьеров, можно выявить более «дорогую» норму права, по сути, являющуюся коррупциогенной.

Коррупция через свои негативные последствия является серьезной преградой на пути экономического развития, поэтому одним из приоритетов государственной политики должно стать выполнение антикоррупционных программ, в которые должны включаться меры экономико-правового характера: мероприятия по снижению уровня административных барьеров в экономике;

проведение экспертиз правовых актов с целью исключения «дорогих» (коррупциогенных) норм, используя на основе институционального подхода соответствующие методики.

Таким образом, применение институциональных теорий в анализе коррупции позволяет выявить ее причины разнопорядкового уровня (неэффективность институциональных рамок обществ, стремление экономических агентов снизить транзакционные издержки, рентоориентированное поведение чиновников и т. д.) и разработать комплекс мер как экономического, так и правового характера по ограничению коррупционных отношений в нашем обществе.

Библиографические ссылки

1. Административные барьеры в экономике / под ред. А.А. Аузана. М., 2002.
2. Индекс Восприятия Коррупции // Transparency International [Electronic resource]. 2002. Mode of access: http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi. Date of access: 04.01.2007.

3. Латов, Ю.В. Теневая экономика / Ю.В. Латов, С.Н. Ковалев. М. : Норма, 2006.

4. Сото, Э. де. Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. М. : Catallaxy, 1995.

*И.М. Купренко, преподаватель кафедры
уголовно-исполнительного права Академии
МВД Республики Беларусь*

НУЖНА ЛИ РЕФОРМАЦИЯ ОРГАНОВ ВОЕННОЙ ЮСТИЦИИ?

На фоне реформирования пенитенциарной системы Республики Беларусь определяется стремлением некоторых определенных сил унифицировать законодательство об уголовной ответственности военнослужащих и гражданских лиц за счет упразднения наказаний, применяемых к военнослужащим. Изложенные позиции отражают необходимость существования военного пенитенциарного учреждения – дисциплинарной воинской части, которая оказывает сдерживающее воздействие на военнослужащих, чем достигается общепревентивная цель. Рассматривается вопрос некоторых правовых последствий замены наказаний, применяемых к военнослужащим, тождественными по строгости воздействия общими наказаниями.

Преступления, совершаемые военнослужащими, всегда вызывают озабоченность государства, поскольку негативное состояние воинской дисциплины среди лиц, которым доверено оружие, и потеря управления армией могут привести к дестабилизации основ государственной власти. Преступные проявления отмечались со времен существования княжеских дружин и в период существования советских вооруженных сил. Вопрос в основном заключался в масштабах, характере и динамике таких проявлений, влияния их на управляемость и боеспособность воинских формирований.

Опасность противоправного поведения военнослужащих в современных условиях объективно связана с дискредитацией воинской службы, снижением боеготовности и невозможностью войск надлежаще выполнять свои обязанности по реализации военной доктрины государства. Преступность военнослужащих – опасный дестабилизирующий фактор, который негативно воздействует не только на военную организацию, но и на государство в целом.

В качестве одного из направлений поддержания воинской дисциплины предлагается повысить открытость армейских институтов для общественного контроля. Вместе с тем отчетливо прослеживаются намерения определенных сил реформировать органы военной юстиции путем введения их в общую систему исполнения наказания, а заодно и унифицировать законодательство об уголовной ответственности военнослужащих и гражданских лиц за счет упразднения специальных воинских наказаний [4, с. 69].

По мнению автора, ответ на вопрос «нужна ли реформация органов военной юстиции?» заложен в правовой природе воинского наказания.

Известно, что идеи о целесообразности создания единой системы карательных средств в отношении граждан и военнослужащих обсуждались военными юристами еще в конце XIX – начале XX в., когда для военнослужащих существовала развернутая система наказаний уголовных (общих) и исправительных (специальных). Так, профессор А. Мушников полагал, что доводы за единство системы общих и воинских наказаний очень вески, так как это единство воплощает принцип равенства граждан перед законом. В противовес этому мнению профессор Н. Фалеев приводил следующие доводы, с которыми нельзя не согласиться: «Говоря о равенстве перед законом граждан и военнослужащих можно только в смысле равенства их прав перед судом и наказанием: „стройность же уголовного законодательства“, как другой довод за единство, также мало имеет значения, ибо ради отвлеченного представления о стройности пришлось бы пожертвовать интересами справедливости» [1, с. 38].

Представляется, что именно конституированный принцип справедливости заложен в основу построения карательной системы государства, включающей в себя наряду с общими наказаниями специальные наказания, применяемые исключительно к военнослужащим [1, с. 39].

Попытки отступления от указанного принципа в истории не имели успеха и с неизбежностью приводили к возврату на прежние, испытанные годами, правовые позиции. Так, Воинский устав о наказаниях (в редакции 1900 г.) предусматривал в качестве специального исправительного наказания для нижних чинов перевод в дисциплинарные батальоны или роты. Данный вид наказания устанавливался на срок от одного года до трех лет. Дисциплинарные батальоны и роты состояли в ведении военного ведомства. Содержание в дисциплинарных батальонах и ротах основывалось на обязательных для всех заключенных работах подобно тому, как это было установлено в гражданских местах заключения. Однако помимо работ значительная часть времени посвящалась строевым занятиям для получения необходимой подготовки перед увольнением в запас. В результате Февральской революции 1917 г. дисциплинарные части были упразднены по идеологическим причинам как учреждения, ассоциировавшиеся с карательными характеристиками самодержавия. Однако уже в 1919 г. советская власть, не найдя лучшей альтернативы, воссоздала указанные выше учреждения в Рабоче-Крестьян-